

Андрей Расторгуев

Тюркиш кофе

Никогда я не был на Босфоре...

С. Есенин

Странное время жизнью живёт двойной,
переслюив мир пополам с войной, —
в ласковый, полувзлетный осенний зной
можно попасть из зоны прифронтовой.
В людном вокзале или аэропорту,
видя парней, отправляющихся на черту,
молча глаза отводишь, как виноват,
что на восход поехал, а не закат...

I.

От повседневного — туда,
где, поездам давая фору,
видны под крыльями суда,
сходящиеся к Босфору,
где, сопрягаемы вдвоём
и днями, и ночными снами,
мы снова берега сведём
пролива, лёгшего меж нами,
и где не просквозит пока
среди продолженного лета
ракета тонкие бока
взлетающего самолёта.

II.

Лёгкой шторою неотразим,
нашей временной крыши поодаль
с минарета опять муэдзин
будит дремлющий Константинополь,
и, подобно волне приливной,
по крутым переулкам Царьграда
подымается говор дневной
многоликоязычного склада.

Впрочем, что это я говорю?
Из окошка, похоже, надуло...
Незапамятную зарю
возглашают мечети Стамбула,
и в который неведомо раз,
не подвержены утренней лени,
сотворить непременный намаз
правоверные клонят колени...

Пролетело немислимо лет
для досужих писателей блогов,
как булатом прошёлся Мехмет
по империи Палеологов,
а по давним местам и теперь,
пять веков или шесть миновало, —
время, словно нажравшийся зверь,
цареградских руин не сглодало.

Только что я опять говорю?
Ты, похоже, уже заскучала...
Наступает конец октябрю,
ноябрю наступает начало.
Мы с тобою, и солнце печёт,
точно впрямь продолжается лето,
и по-прежнему время течёт,
как за тысячу лет до рассвета.

III.

Московское время, но в небе довольно огня.
Пойдём надышаться свободой тёплого дня —
вчера в минус десять мы грели друг друга в
обнимку.
В желательном нетуристическом уголке
турецкого кофе отведаем на языке,
доверим историю запечатлеть фотоснимку.

И нашу с тобою, и что совершилась давно.
Но что свершено — непременно ли завершено?
Потрогай: жива под землёй вековая стихия...
На разные органы чувств ощущается здесь
Европы и Азии замысловатая смесь,
и в каждой мечети мне видится Айя-София.

IV.

А мир горит войной ещё одной:
взамен ковра два деловитых турка
полотнище с давидовой звездой
прибили на бульваре Ататюрка:
мол, попирай подошвой, люд честной,
виновное светило дел кровавых...
Где два народа сходятся стеной,
трудней делить на правых и неправых.

От палестин восточных далеки,
в жилье попутном или в доме отчем
мы по чужим гербам не ходоки
и собственных тем более не топчем.
Нацистских только, жаль, не извели —
они всегда такой достойны чести...
Вчера две украинки помогли
с тобою мне запечатлеться вместе.

V.
Вечной душе — мечети,
если она в почёте.
Временной плоти храм —
хамам.

Навзничь на тёплый камень —
не шевеля руками,
медленно, без затей
потей.

После на перемене
в мыльной пузырящей пене
банщик тебя помнёт —
свежей водой польёт...

Всё это не реклама
ни одного хамама.
Просто пошли разок —
ок.

Ладно — вам, как родне:
мечеть Сулеймание.

Так хорошо в хамаме —
как при родимой маме:
мрамор, тепло, уют...
А веников — не дают.

VI.
До мути внутренней и донной
играла лодкою вода,
когда кильватерной колонной
пошли военные суда.
И самолёты боевые
взлетели в сомкнутом строю,
переплетая дымовые
следы в единую струю.

Так вдохновляюще и гордо
своё справляла торжество
в былом блистательная Порты —
сто лет республика всего.
Красиво плыли и летели:
мол, нам века, и впереди —
смертоубийственные цели,
когда Господь не приведи...

VII.
Пешими туристами
вновь, как на корню,
мы сошли на пристани
Эминёну.
Турки огорчения
не сдержали: ишь,
столько было рвения —
и где бакшиш?
Рисковали, выплыли —
сверху ни гроша...
Чаю мало выпили
для бакшиша.

VIII.
Джезва, поднос, две чашечки — вроде профи
делал набор посуды для тюркиш кофе.
Не на базар в галдящую кутерьму —
мы в мастерскую сами пришли к нему.

Лично я тюркиш кофе не очень пьющий —
в рот непременно лезут крупинки гущи.
Разве что для прикола когда подать
да о туманном будущем погадать...

Мастер Месут, казалось, польщён запросом.
Цену назвал, а я отвечал со сбросом:
раз не поторговался — считай, ступил...
Вижу, Месут замылся — но уступил.

А как налили джезvu — всего две стопки,
стала вода сочиться из-под заклёпки.
Дома теперь умельца поди найди,
что запаяет дырочку на меди.

Не поминаю мастера с укоризной.
Сказано — не гоняйся за дешевизной.
Созданное принимая из рук творца,
не оскорби его суетой скупца.

IX.
Материал человеческой жизни хрусток,
сквозь монитор дыханием не согреть...
Хоть на константинопольский перекрёсток
съехаться, да обняться, да посмотреть.

Что вкруговую, дорого — не помеха:
есть до войны отложенные рубли
да на железном занавесе прореха,
выкопанном снова из-под земли.

Время играет пальцами: то придавят,
а то прибавят воздуха на пятак...
Знал: непременно выроют, переставят
ближе — а не догадывался, что так.

Ржавчиною железо — сплошная рана,
две стороны — с обеих освежено,
да заодно на обе взамен экрана
разное всем показывают кино.

Время играет пальцами: год за годом
менее всё его остаётся мне...
С дочерью говорили о чём угодно,
только не о надвигающейся войне.

X.
В мире, где всё дробится,
странная есть граница:
режут её века
в теле материка.

В прорезях ныне живы
реки или проливы,
или открыт ветрам
долгий шершавый шрам.

Ты посмеёшься: вроде
нет её на природе...
Не торопи коней —
я родился на ней.

Где на две части света
разделена планета,
жителям не беда —
ходят туда-сюда.

Не постовыми — просто
по мосту или мосту
на дом или на труд.
Надвое не живут.

Эти вот человеки —
вечные попереки,
а я границы вдоль —
но не чего изволь.

Время не помешало —
к Маточкиному Шару.
Ныне почти сумел —
до Дарданелл.

То есть почти до точки.
Горы, мосты, мосточки...
может, не разорвёт
материковый свод.

XI.
Времени, милая, бросим ли мы упрёк,
если давно с тобой соединены?
Бёдра твои словно карта сибирских рек —
самых великих, малые не видны.

Древние статуи голеней не стройней —
вон как с утра до вечера наравне
тесные улицы римских ещё корней
стойко обходишь, не уступая мне.

Что нам с тобой о будущем говорить
в благословенном крае дождливых зим,
где каждый день Аллаха благодарить
нас призывает пением муэдзин?

Но во Влахернской церкви, помилуй Бог,
где по ступеням в толщу веков сошли,
я попросил о крепости наших ног,
чтобы подолее далее нас вели.

XII.
Никто не знает, что случится далее,
кому встречать победную весну.
Христу сменили берцами сандалии
и тоже отрядили на войну.

Войну Тридцатилетнюю, Столетнюю —
узнаешь, как закончится она.
Несметную в ряду — и не последнюю,
пока идут земные времена.

Пока ещё детей рожают женщины,
пока мужчин не побрала земля,
пока растут невидимые трещины
и разрывают минные поля...

И мы с тобой не ведаем подавно так
в неумолимой смене январей,
когда дождёмся наших внуков-правнуков —
не с фронта, а от наших дочерей.

XIII.
Веками ходкими храним,
в зашедшего не ради Бога
айя-софийский серафим
глядит задумчиво и строго.

Один он тут за небеса,
очеловеченные в краске,
а на другие паруса
надеты звёздчатые маски.

Один, наверно, до конца
над церковью и над мечетью
узнал, как не терять лица
за полтора тысячелетья.

XIV.
И себя надеждой не покинь —
выпитую чашку опрокинь,
обо всём, что суще и несуще,
погадай мне на кофейной гуще.

Кофе горек, гуща невкусна —
выдумка, однако, не тесна,
что за очевидная примета
явится на свет из силуэта.

Против правды, знамо, не попрём,
разве что настолечко соврём —
истиною голой не обидим...
Словом, живы будем — не помрём
и кофейной горечи попьём.
Русской ли, турецкой ли — увидим.

P. S.

Прояснило в поределой чаще —
на свету идти благослови...
Я с недавних пор намного чаще
говорю с тобою о любви.

Здесь напрасен юношеский лепет,
и навзрыд не стоит истерить.
Мы всегда её неровный трепет
языком боялись истереть.

Опасалась и едва касалась
голосов зажатых и она
до поры, пока не оказалось —
слабнет, если не воплощена.

Да не только телом, чтобы снова
в теле наслаждение найти —
ласковое искреннее слово
требуется духу во плоти.

А нашлось, забрызгало огнями —
мы вдвоём на целый окоём.
Хоть Босфор окажется меж нами —
не переплывём, так перейдём.

Будущее прошлого почище,
оттого его не тороплю,
с некоторых пор намного чаще
слыша непривычное «люблю».

*Стамбул — Екатеринбург,
28 октября – 27 ноября 2023*